
СЕРГЕЙ
ГАНДЛЕВСКИЙ
РАССКАЗ
книга стихотворений
МР
Московский рабочий

Серия: АНОНС

Сергей Гандлевский

РАССКАЗ

книга стихотворений



«Московский рабочий»

1989

ББК 84Р7—5
Г19

Гандлевский С. М.

Г19 Рассказ: Книга стихотворений.— М.: Моск. рабочий, 1989.— 32 с.

Сергей Гандлевский — поэт классической гармонии в полном смысле этого слова. В отличие от многих других он освежает, а не освежевывает отечественную поэтическую традицию. В его стихах — яркий, экспрессивный рассказ о поисках истины в изменчивом мире. Однако что есть истина? Этот известный вопрос задает поэт не риторическим путем, но всем строем своей поэзии. И хотя трагический опыт духовных метаний диктует поэту подчас жесткие строки, все равно в его стихах нет чувства безысходности, ибо их насыщенность бытовыми реалиями, показанными через волшебный фонарь метафорического преображения, создает ощущение праздника, света, вдохновления.

Г $\frac{4702010202-103}{М172(03)-89}$ Без объявл.

ББК 84Р7—5
Г19

ISBN 5—239—00837—X

* * *

Самосуд неожиданной зрелости,
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести —
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!

Есть обычай у русской поэзии
С отвращением бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.
Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.

Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко,
Это азбука в женской руке.
Это азбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижет ссадину, просится на руки —
Я тебя никому не отдам!

Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухомятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.
Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонера с шутом?

Для чего, моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную теребя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя.

* * *

Это праздник. Розы в ванной.
Шумно, дымно, негде сесть.
Громогласный, долгожданный,
Драгоценный. Ровно шесть.
Вечер. Лето. Гости в сборе.
Золотая молодежь
Пьет и курит в коридоре.
Смех, приветствия, галдеж.

Только-только из-за школьной
Парты, вроде бы вчера,
Окунулся я в застольный
Гам с утра и до утра.
Пела долгая пластинка.

Балагурил балагур.
Сетунь, Тушино, Стромынка —
Хорошо, но чересчур.

Здесь, благодаренье Богу,
Я полжизни оттрубил.
Женщина сидит немного
Справа. Я ее любил.
Дело прошлое. Прогнозам
Верил я в иные дни.
Птицам, бабочкам, стрекозам
Эта музыка сродни.

Если напрочь не опиться
Водкой, шумом, табаком,
Слушать музыку и птицу
Можно выйти на балкон.
Ночь моя! Вишневым светом
Телефонный автомат
Озарил сирень. Об этом
Липы старые шумят.

Табаком пропахли розы,
Их из Грузии везли.
Обещали в полдень грозы,
Грозы заполночь пришли.
Ливень бьет напропалую,
Дальше катится стремглав.
Вымостили мостовую
Зеркалами без оправ.

И светает. Воздух зябко
Тронул занавесь. Ушла
Эта женщина. Хозяйка
Убирает со стола.

Спит тихоня, спит проказник —
Спать! С утра очередной
Праздник. Все на свете праздник —
Красный, черный, голубой.

* * *

Растроганно прислушиваться к лаю,
Чириканью и кваканью, когда
В саду горит прекрасная звезда,
Названия которой я не знаю.
Смотреть, стирая вкладыш, как вода
Наматывает водоросль на сваю,
По отмели рассеивает стаю
Мальков и раздувает невода.
Грядущей жизнью, прошлой, настоящей
Неярко озарен любой пустяк —
Порхающий, желтеющий, журчащий —
Любую ерунду берешь на веру.
Не надрывай мне сердце, я и так
С годами стал чувствителен не в меру.

* * *

Будет все. Охлажденная долгим трудом
Устареет досада на бестолочь жизни,
Прожитой впопыхах и взахлеб. Будет дом
Под сосновым холмом на Оке или Жиздре.
Будет клин журавлиный на юг острием,
Толчея снегопада в движении Броуна,
И окрестная прелесть в сознаньи моем
Накануне разлуки предстанет утроена.
Будет майская полночь. Осока и плес.

Ненароком задетая ветка остудит
Лоб жасмином. Забудется вкус черных слез,
Будет все. Одного *утешенья не* будет,
Оправданья. Наступит минута, когда
Возникает вопрос, что до времени дремлет:
Пробил час уходить насовсем, но куда?
Инородная музыка волосы треплет.
А вошедшая в обыкновение ложь
Ремесла потягается разве что с астмой
Духотою. Тогда ты без стука войдешь
В пятистенок ночлега последнего: «Здравствуй.
Узнаю тебя. Легкая воля твоя
Уводила меня, словно длань кукловода,
Из пределов сумятицы здешней в края
Тишины. Но сегодня пора на свободу.
Я любил тебя. Легкою волей твоей
На тетрадных листах, озаренных неярко,
Тарабарщина варварской жизни моей
Обрела простоту регулярного парка.
Под отрывистым ливнем лоснится скамья.
В мокрой зелени тополя тенькают птахи.
Что ж ты плачешь, веселая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе!
Не сжимай мое сердце в горсти и прости
За оскомину долгую дружбы короткой.
Держит раковина океан взаперти,
Но пространству тесна черепная коробка!»

* * *

Картина мира, милая уму: писатель сочиняет про Муму; шоферы колесят по всей земле со Сталиным на лобовом стекле; любимец телевиденья чабан кастрирует

козла во весь экран; агукая, играючи, шутя, мать пестует щекастое дитя. Сдается мне, согражданам не лень усердствовать. В трудах проходит день, а к полночи созреет в аккурат мажорный гимн, как некий виноград.

Бог в помощь всем. Но мой физкультпривет писателю. Писатель (он поэт), несносных наблюдений виртуоз, сквозь окна видит бледный лес берез, вникая в смысл житейских передряг, причуд, коллизий. Вроде бы пустяк, по имени хандра, и во врачах нет надобности, но и в мелочах видна утечка жизни. Невзначай он адрес свой забудет или чай на рукопись прольет, то вообще купает галстук бархатный в борще. Смех да и только. Выпал первый снег. На улице какой-то человек, срывая голос, битых два часа отчитывал нашкодившего пса.

Писатель принимается писать. Давно ль он умудрился променять объем на вакуум, проточный звук на паузу? Жизнь валится из рук безделкою, безделицею в щель, внезапно перейдя в разряд вещей еще душемутительных, уже музейных, как-то: баночка драже с истекшим сроком годности, альбом колониальных марок в голубом налете пыли, шелковый шнурок...

В романе Достоевского «Игрок» описан странный случай. Гувернер влюбился не на шутку, но позор безденежья преследует его. Добро бы лишь его, но существо небесное, предмет любви — и та наделала долгов. О, нищета! Спасая положенье, наш герой сперва, как Германн, вчуже за игрой в рулетку наблюдал, но вот и он выигрывает сдуру миллион. Итак, женитьба? — Дудки! Грозный пыл объемлет бедолагу. Он забыл про барышню, ему предрешено в испарине толкаться в казино. Лишения, долги, потом тюрьма. «Ужели я тогда сошел с ума?» — себя и опечаленных друзей резонно вопрошает Алексей Иванович. А на кого пенять?

Давно ль мы умудрились променять простосердечье, женскую любовь на эти пять похабных рифм: свекровь,

кровь, бровь, морковь и вновь! И вновь поэт включает заполночь настольный свет, по комнате описывает круг. Тошнехонько и нужен верный друг. Таким была бы проза. Дай-то Бог. На весь поселок брешет кабыздох. Поэт глядит в холодное окно. Гармония, как это ни смешно, вот цель его, точнее, идеал. Что выиграл он, что он проиграл? Но это разве в картах и лото есть выигрыш и проигрыш. Ни то изящные материи, ни се. Скорее розыгрыш. И это все? Еще не все. Ценить свою беду, найти вверху любимую звезду, испарину труда стереть со лба и сообщить кому-то: «Не судьба».

* * *

Еще далёко мне до патриарха,
Еще не время, заявляясь в гости,
Пугать подростков выморочным басом:
«Давно ль я на руках тебя носил!»
Но в целом траектория движенья,
Берущего начало у дверей
Роддома имени Грауэрмана,
Сквозь анфиладу прочих помещений,
Которые впотьмах я проходил,
Нашаривая тайный выключатель,
Чтоб светом озарить свое хозяйство,
Становится ясна.
                                Вот мое детство
Размахивает музыкальной папкой,
В пинг-понг играет отрочество, юность
Витийствует, а молодость моя,
Любимая, как детство, потеряла
Счет легким километрам дивных странствий.
Вот годы, прожитые в четырех
Стенах московского алкоголизма.

Сидели, пили, пели хоровую —
Река, разлука, мать сыра земля.
Но ты зеваешь: мол, у этой песни
Припев какой-то скучный...— Почему?
Совсем не скучный, он традиционный.

Вдоль вереницы зданий станционных
С дурашливым щенком на поводке
Под зонтиком, в пальто демисезонных
Мы вышли наконец к Москва-реке.
Вот здесь и поживем. Совсем пустая
Профессорская дача в шесть окон.
Крапивница, капризно приседая,
Пропархивает наискось балкон.
А завтра из ведра возле колодца
Уже оцепенелая вода
Обрушится к ногам и обернется
Цилиндром изумительного льда.
А послезавтра изгородь, дрова,
Террасу заштрихует дождик частый.
Под старым рукомойником трава
Заляпана зубною пастой.
Нет-нет да и проглянет синева,
И песня не кончается.
В припеве
Мы движемся к суровой переправе.
Смеркается. Сквозит, как на плацу.
Взмывают чайки с оголенной суши.
Живая речь уходит в хрипотцу
Грамзаписи. Щенок развесил уши —
His master's voice.
Беда не велика.
Поговорим, покурим, выпьем чаю.
Пора ложиться. Мне наверняка
Опять приснится хмурая, большая,
Наверное, великая река.

* * *

Дай Бог памяти вспомнить работы мои,
Дать отчет обстоятельный в очерке сжатом.
Перво-наперво следует лагерь МЭИ,
Я работал тогда пионерским вожатым.
Там стояли два Ленина: бодрый старик
И угрюмый бутуз серебристого цвета.
По утрам раздавался воинственный крик
«Будь готов», отражаясь от стен сельсовета.
Было много других серебристых химер —
Знаменосцы, горнисты, скульптура лосихи.
У забора трудился живой пионер,
Утоляя вручную любовь к поварихе.

Жизнерадостный труд мой расцвел колесом
Обозрения с видом от Омска до Оша.
Хватишь лишку и Симонову в унисон
Знай бубнишь помаленьку: «Ты помнишь,
Алеша?»
Гадом буду, в столичный театр загляну,
Где примерно полгода за скромную плату
Мы кадили актрисам, роняя слюну,
И катали на фурке тяжелого Плятта.
Верный лозунгу молодости «Будь готов»,
Я готовился к зрелости неутомимо.
Вот и стал я в неполные тридцать годов
Очарованным странником с пачки «Памира».

На реке Иртыше говорила резня.
На реке Сырдарье говорили о чуде.
Подвозили, кормили, поили меня
Окаянные ожесточенные люди.
Научился я древней науке вранья,
Разучился спросить о погоде без мата.

Мельтешит предо мной одиссея моя
Кинолентою шосткинского комбината.
Ничего, ничего, ничего не боюсь,
Разве только ленивых убийц в полумасках.
Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь
С Божьей помощью в придурковатых подпасках.

В настоящее время я числюсь при СУ-
206 под началом Н. В. Соткилава.
Раз в три дня караульную службу несу,
Шельмоватый кавказец содержит ораву
Очарованных странников. Форменный зо-
омузей посетителям на удивленье:
Величанский, Сопровский, Гандлевский, Шаззо —
Часовые строительного управленья.
Разговоры опасные, дождь проливной,
Запрещенные книжки, окурки в жестянке.
Стало быть, продолжается диспут ночной
Чернокнижников Кракова и Саламанки.

Здесь бы мне и осесть, да шалят тормоза.
Ближе к лету уйду, и в минуту ухода
Жизнь моя улыбнется, закроет глаза
И откроет их медленно снова — свобода.
Как впервые, когда рассчитался в МЭИ,
Сдал казенное кладовщику дяде Васе,
Уложил в чемодан причиндалы свои,
Встал ни свет ни заря и пошел восвояси.
Дети спали. Физорг починял силомер.
Повариха дремала в объятьях завхоза.
До свидания, лагерь. Прощай, пионер,
Торопливо глотающий крупные слезы.

* * *

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил.
Лет пятнадцать плоское он таскал.
С пьяных глаз на этот разъезд угодил —
Так вдвоем и ехали по пескам.

Хорошо так ехать. Да на беду
Ночью он ушел, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,
Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство —
Слабая дудочка и змея.
Лег я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много все-таки жизни досталось мне.
«Темирбаев, платформы на пятый путь»,—
Прокатилось и замерло в тишине.

* * *

Матери

Далеко от соленых степей саранчи,
В глухомани, где водятся серые волки,

Вероятно, поныне стоят Баскачи —
Шесть разрозненных изб огородами к Волге.

Лето выдалось скверным на редкость. Дожди
Зарядили. Баркасы на привязи мокли.
Для чего эта малость видна посреди
Прочей памяти, словно сквозь стекла бинокля?

Десять лет погодя я подался в бичи,
Карнавальную накипь оседлых сословий,
И трудился в соленых степях саранчи
У законного финиша волжских верховий.

Для чего мне на грубую память пришло
Пасторальное детство в голубенькой майке?
Сколько, Господи, разной воды утекло
С изначальной поры коммунальной Можайки!

Значит, мы умираем и делу конец.
Просто Волга впадает в Каспийское море.
Всевозможные люди стоят у реки.
Это Волга впадает в Каспийское море.

Все, что с нами случилось, случится опять.
Среди ночи глаза наудачу зажмурю —
Мне исполнится год, и тебе двадцать пять.
Фейерверк сизарей растворится в лазури.

Я найду тебя в комнате, зыбкой от слез,
Где стоят КВН, недоносок прогресса,
Где глядела на нас из-под ливня волос
С репродукции старой святая Инесса.

Я застану тебя за каким-то шитьем.
Под косящим лучом засверкает иголка.

Помнишь, нам довелось прозябать вчетвером
В деревушке с названьем татарского толка?

КВН-овой линзы волшебный кристалл
Синевою нальется. Покажется Волга.
«Ты и впрямь не устала? И я не устал.
Ну, пошли понемногу, отсюда недолго».

* * *

Чикиликанье галок в осеннем дворе,
И трезвон перемены в тринадцатой школе.
Росчерк Ту-104 на чистой заре,
И клеймо на скамье «Хадибулин±Оля».
Если б я был не я, а другой человек,
Я бы там вечерами слонялся доныне.
Все в разъезде. Ремонт. Ожидается снег.
Вот такое кино мне смотреть на чужбине.
Здесь помойные кошки какую-то дрянь
С вожделением делят, такие-сякие.
Вот сейчас он, должно быть, закурит, и впрямь
Не спеша закурил, я курил бы другие.
Хороша наша жизнь — напоит допьяна,
Карамелью снабдит, удивит каруселью,
Шаловлива, глумлива, гневлива, шумна —
Отшумит, не оставив рубля на похмелье...

Если так, перед тем, как уйти под откос,
Пробеги-ка рукой по знакомым октавам,
Наиграй мне по памяти этот наркоз,
Спой дворовую песню с припевом картавым.
Спой, сыграй, расскажи о казенной Москве,
Где пускают метро в половине шестого,
Зачинают детей в госпитальной траве,

Троекратно целуют на пасху Христову.
Если б я был не я, я бы там произнес
Интересную речь на арене заката.
Вот такое кино мне смотреть на износ
Много лет. Разве это плохая расплата?
Хадибулин выглядывает из окна
Поделиться избыточным опытом, крикнуть —
Спору нет, память мучает, но и она
Умирает, и к этому можно привыкнуть.

* * *

А вот и снег. Есть русские слова
С оскоминой младенческой глюкозы.
Снег валит, тяжелеет голова,
Хоть сырость разводи. Но эти слезы
Иных времен, где в занавеси дрожь,
Бьет соловей, заря плывет по лужам,
Будильник изнемог — и ты встаешь,
Зеленым взрывом тополя разбужен.
Я жил в одной стране. Там тишина
Равно проста в овраге, церкви, поле.
И мне явилась истина одна:
Трудна не боль — однообразье боли.
Я жил в деревне месяц с небольшим.
Прорехи стен латал клоками пакли.
Вслух говорил, слегка переборщил
С риторикой, как в правильном спектакле.

Двустволка опереточной длины,
Часы, кровать, единственная створка
Трюмо, в которой чуть искажены
Кровать с шарами, ходики, двустволка.
Законы жанра — поприще мое.

Меня и в жар бросало и знобило,
Но драмы злополучное ружье
Висеть висит, но выстрелить забыло.
Мне ждать не внове. Есть здесь кто живой?
Побудь со мной. Поговори со мной.
Сегодня день светлее, чем вчерашний.
Белым-бела вельветовая пашня.
Покурим, незнакомый человек.
Сегодня утром из дому я вышел,
Увидел снег, опешил и услышал
Хорошие слова — а вот и снег.

ЭЛЕГИЯ

Мне холодно. Прозрачная весна...
О. Мандельштам

Апреля цирковая музыка —
Трамваи, саксофон, вороны —
Накроет кладбище Миусское
Запанибрата с похоронной.
Был или нет я здесь по случаю,
Рифмуя на живую нитку?
И вот доселе сердце мучаю,
Все пригодилось недобитку.
И разом вспомнишь, как там дышится,
Какая слышится там гамма.
И синий с предисловьем Дымшица
Выходит томик Мандельштама.
Как раз и молодость кончается,
Гербарный василек в тетради.
Кто в США, кто в Коми мается,
Как некогда сказал Саади.
А ты живешь свою подробную,

Теряешь совесть, ждешь трамвая
И речи слушаешь надгробные,
Шарф подбородком уминая.
Когда задаром — тем и дорого —
С экзальтированным протестом
Трубит саксофонист из города
Неаполя. Видать, проездом.

* * *

Ай да сирень в этом мае! Выпукло-крупные гроздья
Валят плетни в деревнях, а на Бульварном кольце
Тронут лицо в темноте — душемутительный запах.
Сердце рукою сдави, восвояси иди, как слепой.
Здесь на бульварах впервой повстречался мне голый
дошкольник,
Лучник с лукавым лицом; изрядно стреляет малец!
Много воды утекло. Старая только заноза
В мякоти чудом цела. Думаю, это пройдет.
Поутру здесь я сидел нога на ногу гордо у входа
В мрачную пропасть метро с ветвью сирени в руках.
Кольца пускал из ноздрей, пил в час пик газировку,
Улыбнулся и рек согражданам в сердце своем:
«Дурни, куда вы толпой? Олухи, мне девятнадцать.
Сроду нигде не служил, не собираюсь и впредь.
Знаете тайну мою? Моей вы не знаете тайны:
Ночь я провел у Лаисы. Виктор Зоилыч рогат».

* * *

Светало поздно. Одеяло
Сползало на пол. Сизый свет
Сквозь жалюзи мало-помалу

Скользил с предмета на предмет.
По мере шаткого скольженья,
Раздваивая светотень,
Луч бил наискосок в «Оленью
Охоту». Трепетный олень
Летел стремглав. Охотник пылкий
Облокотился на приклад.
Свет трогал тусклые бутылки
И лиловатый виноград
Вчерашней трапезы, колоду
Игральных карт и кожуру
Граната, в зеркале комода
Чертил зигзаги. По двору
Плыл пьяный запах — гнали чачу.
Индюк барахтался в пыли.
Пошли слоняться наудачу,
Куда глаза глядят пошли.
Вскарабкайся на холм соседний,
Увидишь с этой высоты,
Что ночью первый снег осенний
Одел далекие хребты.
На пасмурном булыжном пляже
Откроешь пачку сигарет.
Есть в этом мусорном пейзаже
Какой-то тягостный секрет.
Газета, сломанные грабли,
Заржавленные якоря.
Позеленели и озябли
Косые волны октября.
Наверняка по краю шири
Вдоль горизонта серых вод
Пройдет без четверти четыре
Экскурсионный теплоход
Сухум — Батум с заходом в Поти.
Он служит много лет подряд,

И чайки в бреющем полете
Над ним горланят и парят.
Я плавал этим теплоходом,
Он переполнен, даже трюм
Битком набит курортным сбродом —
Попойка, сутолока, шум.
Там нарасхват плохое пиво,
Диск «Бони М», духи «Кармен».
На верхней палубе лениво
Господствует нацмен-бармен.
Он «чита-брита» напевает,
Глаза блудливые косит,
Он наливает, как играет,
Над головой его висит
Генералиссимус, а рядом
В овальной рамке из фольги,
Синея вышколенным взглядом,
С немецкой розовой ноги
Красавица капрон спускает.
Поют и пьют на все лады,
А за винтом, шипя, сверкает
Живая изморозь воды.
Сойди с двенадцати ступенек
За багажом в похмельный трюм.
Печали много, мало денег —
В иллюминаторе Батум.
На пристани, дыша сивухой,
Поможет в поисках жилья
Железнозубая старуха —
Такою будет смерть моя.
Давай вставай, пошли без цели
Сквозь ежевику пустыря.
Озябли и позеленели
Косые волны октября.
Включали свет. Темнело рано.

Мой незадачливый стрелок
Дремал над спинкою дивана,
Олень летел, не чуя ног.
Вот так и жить. Тянуть боржоми.
Махнуть рукой на календарь.
Все в участи приемлю, кроме...
Но это, как писали встарь,
Предмет особого рассказа.
Мне снится тихое село
Неподалеку от Кавказа.
Доселе в памяти светло.

* * *

Памяти поэта

И с мертвыми поэтами вести
Из года в год ученую беседу;
И в темноте по комнате бродить
В исподнем и клевать над книгой носом,
И вспоминать со скверною улыбкой
Сквозь дрему Лидию, Наталью, Анну;
Глотать пилюли. У знакомых есть
Неряшливо и жадно, дома — скупо;
У зеркала себя не узнавать
В облезлой обезьяне с мокрым ртом,
Как из «Ромэна» правильный цыган
Сородичем вокзальным озадачен.
И опускаться, словно опускаться
На дно зеленое, раскинув руки...

Подумать только, осень. Облетай
Сад тления, роскошный лепрозорий!
Структура мира, суть вещей, каркас
Наглядны, говорят, об эту пору.

Природа, как натурщица, стоит,
Уйдя по щиколотки в сброшенное платье,
Как гипсовая девушка с веслом
У входа в лесопарк, а лесопарк
Походит на рисунок карандашный.
Вокруг пивной отпетая толпа
Грешит бессмертием — так близко небо.
Поверх щербатой кружки бросить взгляд
На пьяниц, озерцо, аттракционы,
Фонарный столб соседний, на котором
Записка слабо бьется взад-вперед,
Вверх-вниз, как тронутое тиком веко:
«Пропал ирландский сеттер. Обещаем
Нашедшему вознагражденье». Адрес.
Довольно. Прикрывая рукавом
Лицо, уйти в аллею боковую.
Жизнь вроде бы вполне разорена.
Вот так, наверное, и умирают.

Умри. Быть может, злую жизнь твою
Еще окликнет добрый человек
С какой-нибудь дурацкою привычкой:
Грызть ногти или скатерть теребить,
Самолюбивый, искренний, способный
Отчаянный поступок совершить
И тотчас обернуться, покраснев:
Не вызвал ли он смеха диким шагом?
Никто не засмеется.

* * *

Сегодня дважды в ночь я видел сон.
Загадочный, по существу, один

И тот же. Так цензура сновидений,
Усердная, щадила мой покой.
На местности условно городской
Столкнулись две машины. Легковую
Тотчас перевернуло. Грузовик
Лишь занесло немного. Лобовое
Стекло его осыпалось на землю,
Осколки же земли не достигали,
И звона не случилось. Тишина
Вообще определяла обстановку.
Покорные реакции цепной,
Автомобили, красные трамваи,
Коверкая железо и людей,
На площадь вылетали, как и прежде,
Но площадь не рассталась с тишиной.
Два битюга (они везли повозку
С молочными бидонами) порвали
Тугую упряжь и скакали прочь.
Меж тем из опрокинутых бидонов
Хлестало молоко, и желоба,
Стальные желоба трамвайных рельсов,
Полны его. Но кровь была черна.
Оцепенев, я сам стоял поодаль
В испарине кошмара. Стихло все.
Вращаться продолжало колесо
Какой-то опрокинутой «Победы».
Спиною к телеграфному столбу
Сидела женщина. Ее черты,
Казалось, были сызмальства знакомы
Душе моей. Но смертная печать
Видна уже была на лике женском.
И тишина.
                Так в клубе деревенском
Киномеханик вечно пьян. Динамик,
Конечно, отказал. И в темноте

Кромешной знай себе стрекочет старый
Проектор. В золотом его луче
Пылинки пляшут. Действие без звука.

Мой тяжкий сон, откуда эта мука?
Мне чудится, что мы у тех времен
Без устали скитаемся на ощупь,
Когда под звук трубы на ту же площадь
Повалим валом с четырех сторон.
Кто скажет заключительное слово
Под сводами последнего суда,
Когда лиловым сумеркам Брюллова
Настанет срок разлиться навсегда?
Нас смоет с полотняного экрана.
Динамики продует медный вой.
И лопнет высоко над головой
Пифагорейский воздух восьмигранный.

* * *

Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзержинского.
Родня советским захолустьям,
Но это все-таки Москва.
Вдали топорщатся массивы
Промышленности некрасивой —
Каркасы, трубы, корпуса
Настырно лезут в небеса.
Как видишь, нет примет особых:
Аптека, очередь, фонарь
Под глазом бабы. Всюду гарь.
Рабочие в пунцовых робах
Дорогу много лет подряд
Мостят, ломают, матерят.

Вот автор данного шедевра,
Вдыхая липы и бензин,
Четырнадцать порожних евра-
бутылок тащит в магазин.
Вот женщина немолодая,
Хорошая, почти святая,
Из детской лейки на цветы
Побрызгала и с высоты
Балкона смотрит на дорогу.
На кухне булькает обед,
В квартирах вспыхивает свет.
Ее обманывали много
Родня, любовники, мужья —
Сегодня очередь моя.

Мы здесь росли и превратились
В угрюмых дядь и глупых теть.
Скучали, малость развратились —
Вот наша улица, Господь.
Здесь с окуджававской пластинкой,
Староарбатскою грустинкой
Годами прячут шиш в карман,
Испепеляют, как древлян,
Свои дурацкие надежды.
С детьми играют в города —
Чита, Сучан, Караганда.
Ветшают лица и одежды.
Бездельничают рыбаки
У мертвой Яузы-реки.

Такая вот Йокнапатофа
Доигрывает в спортлото
Последний тур (а до потопа
Рукой подать), гадает, кто
Всему виною — Пушкин, что ли?

Мы сдали на пять в этой школе
Науку страха и стыда.
Жизнь кончится — и навсегда
Умолкнут брань и пересуды
Под небом старого двора.
Но знала чертова дыра
Родство сиротства — мы отсюда.
Так по родимому пятну
Детей искали в старину.

* * *

Устроиться на автобазу
И петь про черный пистолет.
К старухе матери ни разу
Не заглянуть за десять лет.
Проездом из Газлей на юге
С канистры кислого вина
Одной подруге из Калуги
Заделать сдуру пацана.
В рыгаловке рагу по средам,
Горох с треской по четвергам.
Божиться другу за обедом,
Впаять завгару по рогам.
Преодолеть попутный гребень
Тридцатилетия. Чем свет,
Возить «налево» лес и щебень
И петь про черный пистолет.
А не обломится халтура —
Уснуть щекою на руле,
Спросонья вспоминая хмуро
Махаловку в Махачкале.

* * *

Д. Пригову

Отечество, предание, геройство...
Бывало, раньше мчится скорый поезд —
Пути разобраны по недосмотру.
Похоже, катастрофа неизбежна,
А там ведь люди. Входит пионер,
Ступает на участок аварийный,
Снимает красный галстук с тонкой шеи
И яркой тканью машет. Машинист
Выглядывает из локомотива
И понимает: что-то здесь не так.
Умело рычаги перебирает —
И катастрофа предупреждена.

Или другой пример. Несется скорый.
Пути разобраны по недосмотру.
Похоже, катастрофа неизбежна.
А там ведь люди. Стрелочник-старик
Выходит на участок аварийный,
Складным ножом себе вскрывает вены,
Горячей кровью тряпку обагряет
И яркой тканью машет. Машинист
Выглядывает из локомотива
И понимает: что-то здесь не так.
Умело рычаги перебирает —
И катастрофа предупреждена.

А в наше время, если едет поезд,
Исправный путь лежит до горизонта.
Условия на диво, знай, учись
Или работай, или совмещай
Работу с обучением заочным.
Все изменилось. Вырос пионер.

Слегка обрюзг, вполне остепенился,
Начальником стал железнодорожным,
На стрелочника старого орет,
Грозится в ЛТП его упрятать.

* * *

А. Магарику

Что-нибудь о тюрьме и разлуке,
Со слезою и пеной у рта.
Кострома ли, Великие Луки —
Но в застолье в чести Воркута.
Это песни о том, как по справке
Сын седым воротился домой.
Пил у Нинки и плакал у Клавки —
Ах ты Господи Боже ты мой!

Наша станция, как на ладони.
Шепелявит свое водосток.
О разлуке поют на перроне.
Хулиганов везут на восток.
День-деньской колесят по отчизне
Люди, хлеб, стратегический груз.
Что-нибудь о загубленной жизни —
У меня невзыскательный вкус.

Выйди осенью в чистое поле,
Ветром родины лоб остуди.
Жаркой розой глоток алкоголя
Разворачивается в груди.
Кружит ночь из семейства вороньих.
Расстояния свищут в кулак.
Для отечества нет посторонних,
Нет, и все тут — и дышится так,

Будто пасмурным утром проснулся —
Загремели, баланду внесли,—
От дурацких надежд отмахнулся,
И в исподнем ведут, а вдали —
Пруд, покрытый гусиною кожей,
Семафор через силу горит,
Сеет дождь, и небритый прохожий
Сам с собой на ходу говорит.

* * *

Не сменить ли пластинку? Но родина снится опять.
Отираясь от нечего делать в вокзальном народе,
Жду своей электрички, поскольку намерен сажать
То ли яблоню, то ли крыжовник. Сентябрь на исходе.
Снится мне, что мне снится, как еду по длинной стране
Приспособить какую-то важную доску к сараю.
Перспектива из снов — сон во сне, сон во сне, сон во сне.
И курю в огороде на корточках, время теряю.
И по скверной дороге иду восвояси с шести
Узаконенных соток на жалобный крик электрички.
Вот ведь спички забыл, а вернешься — не будет пути,
И стучусь наобум, чтобы вынесли — как его — спички.
И чужая старуха выходит на низкий порог
И моргает и шамкает, будто она виновата,
Что в округе ненастье и нету проезжих дорог,
А в субботу в Покровском у клуба сцепились ребята,
В том, что я ошиваюсь на свете дурак дураком
На осеннем ветру с незажженной своей сигаретой,
Будто только она виновата и в том и в другом,
И во всем остальном, и в несчастиях Родины этой.

* * *

П. Мовчану

Поездка: автобус, безбожно кренясь,
Пылит большаком, не езда, а мученье.
Откуда? Куда он? На Верхнюю Грязь?
Из Лога? в Кресты? — не имеет значенья.
Попутчики: дядя с двуручной пилой,
Две тетки, подросток с улыбкой острожной,
Изрядно поддавши мужик пожилой
И в меру поддавши рабочий дорожный.
Кто спит, кто с похмелья, кто навеселе.
В проеме окна поднебесное поле.
Здесь все — вплоть до Гундаревой на стекле —
Смесь яви и сна и знакомо до боли.
Встречь ветру прохожая тащит ведро
Брусники и всякую всячину в торбе.
Есть сходство с известной картиной Коро,
Но больше знакомых деталей и скорби.
Все это, родное само по себе,
Тем втрое родней, что озвучено соло
На третьей, обещанной грозной трубе,
Той самой. И снова деревни и села.
И надо б, как сказано, в горы бежать,
Коль скоро вода от полыни прогоркла.
Но наша округа — бескрайняя гладь,
На сутки пути ни холма, ни пригорка.

СТАНСЫ

Памяти матери

I

Говори. Что ты хочешь сказать? Не о том ли, как шла
Городскою рекою баржа́ по закатному следу,
Как две трети июня, до двадцать второго числа,
Встав на цыпочки, лето старательно тянется к свету,
Как дыхание липы сквозит в духоте площадей,
Как со всех четырех сторон света гремело в июле?
А что речи нужна позарез подоплека идей
И нешуточный повод — так это тебя обманули.

II

Слышишь: гнилью арбузной пахнул овощной магазин,
За углом в подворотне грохочет порожняя тара,
Ветерок из предместья донес перекличку дрезин,
И архивной листвою покрылся асфальт тротуара.
Урони кубик Рубика наземь, не стоит труда,
Все расчеты насмарку, поешь на дожде винограда,
Сидя в тихом дворе, и воочью увидишь тогда,
Что приходит на память в горах и расщелинах ада.

III

И иди, куда шел. Но как в бытность твою по ночам,
И особенно в дождь, будет голою веткой упрямо,
Осязая оконные стекла, программный анчар
Трогать раму, что мыла в согласии с азбукой мама.
И хоть уровень школьных познаний моих невысок,

Вижу как наяву: сверху вниз сквозь отверстие в колбе
С приснопамятным шелестом сыпался мелкий песок.
Немудрящий прибор, но какое раздолье для скорби!

IV

Об пол злостью, как тростью, ударь, шельмовства не тая,
Испитой шарлатан с неизменною шаткой треногой,
Чтоб прозрачная призрачная распустилась струя,
И озоном запахло под жэковской кровлей убогой.
Локтевым электричеством мебель ужалит — и вновь
Говори, как под пыткой, вне школы и без манифеста,
Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь
Это гиблое время и Богом забытое место.

V

В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет,
Колобродит по кухне, и негде достать пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет,
Даже если он в траурных черных трусах до колена.
В этом месте, веселье которого есть питие,
За порожнею тарой видавшие виды ребята
За Серегу Есенина или Андрюху Шенье
По традиции пропили очередную зарплату.

VI

После смерти я выйду за город, который люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор протрублю
То, на что не хватило мне слов человеческой речи.
Как баржа́ уплывала за поздним закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом запястье,
Как заветную дверь отпирали английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой напастью.

Сергей Маркович Гандлевский
РАССКАЗ
Книга стихотворений

Заведующий редакцией
А. Бармасов
Редактор
Л. Беклешова
Художник
В. Виноградов
Художественный редактор
Ф. Барбышев
Технические редакторы
Л. Беседина, О. Иванова
Корректоры
Т. Нарва, Е. Коротаева

ИБ № 4466

Сдано в набор 21.03.89. Подписано к печати 09.06.89. Л 22582. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,4. Усл. кр.-отт. 1,75. Уч.-изд. л. 1,32. Тираж 10 000 экз. Заказ 4621. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

50 коп.

